

Алексей Остудин

«на улице Остудина...»

Остудин Алексей Игоревич, родился в Казани 27 июня 1961 года. Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете 1985-1990 гг. Прошёл Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького 1991-1993 гг. Активно публиковался с 1978 года в советских журналах и газетах. Выпустил десять книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы, Оренбурга и Казани.

Мимолётное видение

Вдруг такое найдётся в записке –
словно вечер, морозный до слёз,
чистил зубы и окна залячкал
разноцветными брызгами звёзд,

занесённый Вселенной в сироты,
понимаю, мы с нею одне,
только месяц-подлец подсуропил
встретить образ любимой в окне –

будто лампа такого накала,
что и в космосе станет светло,
показалось – вослед помахала,
а она протирала стекло.

Вечный покой

С тобой мы были счастливы когда-то,
союзны, словно гжель и хохлома,
как говорил Шекспир, весь мир – палата,
а капельница – пища для ума,

невыносимый отпуск мой просрочен,
зато, смотрю, с луной накоротке

ты точно заходила этой ночью,
ещё свежи следы на потолке,

давай, алкать бессмертия на пару,
но даже все границы отворя
не светит мотыльку попасть в опалу
из твоего на шее янтаря,

косматыми огнями космос бредит,
от внутреннего холода продрог -
но выручают добрые соседи,
используя приставку, как предлог,

на классиков фантастики не сетуй,
дежурно будь готов и в этот раз
связать на спицах солнечного света
такую же планету про запас.

Простая арифметика

Советской прессы нет в продаже,
народ соскучился по догмам,
и киоскёр считает так же,
но пересчитывает долго,

вот воробьи, как стейки в стайке,
а вот пацан от няньки юзом
сбегает в трёхколёсном танке
из катетов с гипотенузой,

его судьба покрыта тайной –
в забое средней школы штольни,
он деревянный, оловянный,
и по краям стеклянный что ли,

тропой Ньютоново-Коперной
за Келдышем с Капицей следом,
учителям не портил нервы –
война всё спишет у соседа,

силён, как терминатор жидкий,
в плечах не суженый – саженный
кровавой галочкой ошибки
отметил на полях сражений,

перетерпел развод на племя,
где Русский мир – такая сводня,
что не опережает время,
а создаёт его сегодня,

менял одежду не однажды,
давал врагу в мороз по роже,
всё в жизни есть – такое даже,
что и представить невозможно,

теперь, «Токаю» потакая
в бутылке, сдавшейся без боя,
гляди, как всё перетекает
одно в другое.

Браконьер

Из хоровода вышла вон
моторка с воем кофемолки,
грызут округу волки волн,
сверкают их зубов осколки,

окурок к небесам присох,
и спины тощие сутуля
торчат коряги «хенде хох»,
как перевёрнутые стулья,

в потёках мраморной смолы
сосна подрагивает густо,
когда плавник бензопилы,
под ствол подныривает с хрустом,

тебе же, якорю под стать,
на банке катера бессменной,
срываться в воду, аки тать
от правосудия безмена,

и, на причале каждый раз
встречаясь с конкурентом грубым,
следить за выраженьем глаз,
на всякий случай, стиснув зубы.

Генеральный прогон

Юрию Ларионову

На складе всё давно до нас украдено,
шум действия налаженного стих,
кривые ножки буша, рожки байдена
оставшиеся в памяти от них,

намерений дорогу в новый рай мости,
предел чистой прелести смещён,
доведены историей до крайности
Китай уже, а Индия ещё,

хоть ураганы шарик наш обшарили,
не ослабел к искусству интерес,
в партер спустились оперные арии
с галёрки со смычком наперевес,

в их обществе не место отморозенным,
одни в военном хоре перемен
рассолом запевают, как положено,
другие держат шире свой Кармен,

дойдёт ли по горячке, что профукали,
здесь каждый винтик гайкой увлечён,
и, с кондачка, контральто ли, профундо ли -
скрипичным не дотянешься ключом,

пусть подождёт везенье лотерейное,
пока попавшим в этот переплёт
машина не упущенного времени
ворованную музыку вернёт.

После бала

На снимке январь получился нечётко,
как-будто присыпан кокосовой стружкой,
Бессмертный Кашей оказался девчонкой,
а Золушка – мальчиком на побегушках,

фотограф и сам небольшого росточка
зато начинается сказка простая,
где Золушка с пальчик родился в рассрочку,
и в полночь последний платёж наступает,

в консервном сиянии ветра сквозного
исполнена золотом килька в томате,
Калигула, Наполеон, Казанова –
я тоже скучаю по нашей палате,

комета Галлея, хвостом помаши мне –
соринку смахни мне, а то проморгаю,

обычно запчасти дорожке машины,
не катит поэтому правда нагая,

проскочишь на красный – включи перемотку
туда, где ракеты из «града» Петрова,
подайте калеке на царскую водку,
кончайте бесцельно топтаться у трона.

Юбилей

На солнце уши, на просвет, пушистый хвост трубой,
ни планов наперёд, ни смет – причаливай к любой,
сегодня каждая почти ступенька, как педаль,
с табло упрыгали очки, и задохнулась даль,

и, сослепу, неповторим твой сказочный мирок –
Нуф-нуф, Ниф-ниф, Наф-нафталин в шкафу, где серый волк,
всё больше с дамами «динам» и визга поросят
на улице Остудина из дома 60